ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья
УДК 81
doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-93-99

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЮЗА И МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ *ABER* В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ZEIT ZU LEBEN UND ZEIT ZU STERBEN»

© *Надежда Олеговна Линке*
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
linke16@list.ru

Аннотация. Исследуется функционально-прагматический и экспрессивный потенциал омонимичных служебных единиц немецкого языка – союза и модальной частицы *aber* – на материале романа Э.М. Ремарка «Zeit zu leben und Zeit zu sterben». Выявляются параметры функционирования *aber* как союза и как модальной частицы. Доказывается, что союз *aber* служит маркером трагического разрыва между ожидаемым и действительным, моделируя экзистенциальные коллизии персонажей, тогда как модальная частица *aber* выступает в роли прагматического оператора, передающего сложные эмоциональные состояния. Делается вывод о том, что писатель превращает служебное слово *aber* в мощнейший экспрессивный инструмент, работающий на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях и становящийся грамматическим символом хрупкости человеческого существования в условиях войны.

Ключевые слова: союз *aber*, модальные частицы, экспрессивный потенциал, прагматика, дискурсивные маркеры, художественный текст.

Для цитирования: Линке Н.О. Экспрессивный потенциал союза и модальной частицы *aber* в романе Э.М. Ремарка «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 118. № 5. С. 93-99. doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-93-99

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The Expressive potential of the conjunction and the modal particle *aber* in E.M. Remarque's novel "Time to Live and Time to die"

© *Nadezhda O. Linke*[2]
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
linke16@list.ru

Abstract. The functional, pragmatic and expressive potential of homonymous service units of the German language - the union and the modal particle aber - is studied based on the novel by E.M. Remarque "Zeit zu leben und Zeit zu sterben" The parameters of the functioning of aber as a union and as a modal particle are revealed. It is proved that the aber conjunction serves as a marker of the tragic gap between the expected and the actual, modeling the existential collisions of characters, while the modal particle aber acts as a pragmatic operator conveying complex emotional states. It is concluded that the writer turns the official word aber into a powerful expressive tool that works on syntactic, semantic and pragmatic levels and becomes a grammatical symbol of the fragility of human existence in war conditions.

Key words: aber union, modal particles, expressive potential, pragmatics, discursive markers, artistic text.

For citation: Linke N.O. The Expressive potential of the conjunction and the modal particle *aber* in E.M. Remarque's novel "Time to Live and Time to die". *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 118. No 5. P. 93-99. doi: 10.18522/2070-1403-2026-118-5-93-99

Введение

Служебные единицы немецкого языка, в частности омонимичные союз и модальная частица *aber*, традиционно относятся к числу лексико-грамматических феноменов, которые, не-

смотря на свою формальную невесомость, играют существенную роль в организации художественного текста. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» представлено следующее определение этих лексем: «союз – это служебное слово, используемое для связи однородных членов предложения, частей сложного предложения и самостоятельных предложений» [5, с. 453]; «частицы – это разряд служебных слов, придающих дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки предложениям и отдельным словам» [5, с. 527].

В германистике *aber* изучается в основном бинарно: как противительный союз (логико-семантические отношения противопоставления), и как модальная частица (субъективно-эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания). Однако большей частью эта двойственность рассматривается изолированно, вне контекста их совместного функционирования. Тем не менее именно наложение союзной и модальной семантики в одном слове создает уникальный экспрессивный эффект.

Актуальность исследования подтверждается несколькими факторами:

Во-первых, в современной германистике отмечается устойчивый интерес к изучению дискурсивных слов как маркеров прагматического значения, однако работы по рассмотрению омонимичных служебных единиц (союза и частицы) в рамках одного идиостиля все еще немногочисленны.

Во-вторых, функционально-прагматический потенциал *aber* в прозе Э.М. Ремарка с его высокой степенью эмоциональной напряженности не становился прежде предметом специального лингвистического анализа.

В-третьих, обращение к проблеме симультанной реализации союзных и модальных значений *aber* позволяет более четко увидеть механизмы формирования экспрессивности в художественном тексте на уровне синтаксиса и прагматики.

Объектом исследования в работе выступают контексты использования лексемы *aber* в романе «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» / «Время жить и время умирать». Предмет рассмотрения – функционально-ролевое распределение *aber* как союза и как модальной частицы. Основная цель работы заключается в выявлении параметров функционирования союза и модальной частицы *aber* в тексте и определение их роли в формировании ритмической и эмоционально-прагматической структуры контекстов. Практическим материалом исследования послужили примеры из романа «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» и их переводы на русский язык. Методы исследования: метод сплошной выборки, сопоставительный, контекстуальный и дискурсивный анализ, функционально-прагматический и описательный методы.

Результаты исследования

Значительный интерес в этом плане представляет роман «*Zeit zu leben und Zeit zu sterben*», повествование которого характеризуется сдержанностью и даже некоторой репортажностью. Тем не менее, внутренняя напряженность формируется большей частью за счет повторов синтаксических конструкций и дискурсивных маркеров, среди которых *aber* занимает одно из центральных мест. Лингвистический анализ научной литературы по данной проблематике позволяет отметить, что немецкие лингвисты довольно широко занимались союзом *aber* и добились значимых результатов в его описании. Например, Э. Ланг создал смысловую структуру адверсативного отношения: *aber,* как оператор, при котором последующая пропозиция противоречит ожиданию, вытекающему из первой [7, с. 45–92]. Э. Кениг дескриптивно представил лексему *aber* как маркер «denial of expectation» (отрицание ожидания) в типологической перспективе [8, с. 313–332].

Отечественные германисты отводили значительное место исследованию и трактовке данного союза. В фундаментальных грамматиках О.И. Москальской (1980) и В.Г. Адмони (1985) он рассматривается с двумя базовыми значениями: 1) ограничительное – союз вводит информацию, сужающую или частично опровергающую первое утверждение; 2) противительно-сопоставительное – проводится простое сопоставление фактов, аналогичное русскому «а». Начиная с 1980-х годов Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс трактуют этот союз как текстообразующий коннектор. В этой роли он выступает на двух уровнях: 1) как микротекст, который

соединяет предложения, указывая на адверсативную когезию; 2) как макротекст, который служит для смены темы или введения аргументированного возражения в абзаце. Союз *aber* выступает при этом в текстовом построении сигналом «отрицания ожидания». Отсюда следует, что отечественные германисты, вслед за немецкой прагмалингвистикой, начинают разграничивать союз и омонимичную модальную частицу. В исследованиях А.В. Костровой (1971), отмечается, что союз *aber*, сохраняя противительность, часто выражает «отрицание ожидания», то есть работает не столько с объективной реальностью, сколько с субъективными предположениями слушающего, что сближает его с фокусными частицами и аргументативными стратегиями.

В текстах романа союз *aber* выступает маркером трагического разрыва между ожидаемым и действительным. Писатель строит множество сцен по модели «положительная посылка – *aber* – жестокое опровержение»: *Der Mond war über die Wand der Ruine emporgekommen und leuchtete jetzt hinein. Es war eine Kraterlandschaft, unmenschlich und fremd, etwas, das man träumte, aber das nicht wirklich sein konnte* [9, с. 97]. *– Луна поднялась над стеной разбитого дома и теперь светила во двор. Сплошные воронки, варварский чужой ландшафт, такой можно увидеть во сне, но никак не в реальности* [4, с. 84]. В данном контексте *aber* функционирует не как союз прямого противопоставления событий или действий, а как средство столкновения двух категорий – ирреального и осязаемой действительности, что порождает глубинную экспрессию ужаса перед деформированной войной реальностью.

Гребер, окидывая взглядом руины, залитые лунным светом, и его восприятие движется от конкретного наблюдения к экзистенциальному обобщению. Сперва автор вводит образ лунного ландшафта: *eine Kraterlandschaft, unmenschlich und fremd*. Затем с помощью эпитетов *unmenschlich* и *fremd* задает семантику отчуждения, выводя пейзаж за пределы человеческого опыта. Повествование переходит в модус субъективного сравнения – *etwas, das man träumte* (*нечто, что можно было бы увидеть во сне*). Это определение помещает созерцаемую картину в область ирреального, фантастического, существующего лишь в воображении. И здесь включается союз *aber*, вводя второе придаточное определительное – *aber das nicht wirklich sein konnte* (*но что не могло быть реальностью*). Синтаксическая симметрия обеих частей (оба придаточных относятся к одному антецеденту *etwas* и оформлены параллельно) усиливает их смысловое противопоставление. Экспрессивный эффект достигается в точке противительности, маркированной *aber*.

Этот союз становится лингвистическим экспликатором шокового состояния, когда сознание отказывается воспринимать наблюдаемое как действительность. Речь идет не просто о логическом контрасте «*сон / явь*», а о более глубоком экзистенциальном разрыве: окружающий мир настолько искажен войной, что перестает поддаваться рациональному осмыслению и воспринимается как чудовищная галлюцинация. Союз *aber* эксплицирует в данном случае невозможность примирить внутреннее чувство реальности с тем, что видят глаза. Модальный глагол *können* в форме претерита конъюнктива способствует усилению этого эффекта, выражающего не просто фактическую невозможность, а принципиальную несовместимость увиденного с самой категорией реального.

В немецком языке союз *aber* обычно занимает нулевую позицию (перед подлежащим) или вторую позицию (после темы): *Aber du sollst nicht in der Stadt bleiben. Ich bringe dich auf ein Dorf, das sie nicht bombardieren* [9, с. 222]. *– Но тебе нельзя оставаться в городе. Я отвезу тебя в деревню, где нет бомбежек* [4, с. 174]. В этой реплике союз *aber*, занимающий начальную позицию, задавая высказыванию полемическую тональность и преобразуя его из простого совета в эмоционально насыщенный акт волеизъявления. Гребер обращается к Элизабет в момент грозящей ей опасности пребывания в городе, подвергающемуся бомбардировкам. Предшествующий контекст – намерение девушки остаться – создает ту имплицитную установку, против которой и направлено резкое *Aber du sollst nicht in der Stadt bleiben*. Союз здесь не столько соединяет две пропозиции, сколько вводит субъективный, тревожно-заботливый протест, мгновенно блокирующий нежелательное развитие событий. Экспрессивный потенциал

aber раскрывается в его способности одномоментно передать тревогу, решимость и личную заинтересованность говорящего. Начальная позиция союза придает запрету, оформленному модальной конструкцией *sollst nicht*, особую отрывистость и категоричность, словно говорящий перебивает сам ход мыслей собеседницы. При этом союз лишен холодной императивности – он рождается из живого эмоционального отклика и несет в себе энергию противостояния опасности, угрожающей близкому человеку.

Отмечены также и случаи, когда частица *doch* в паре с *aber* удваивает экспрессию, превращая фразу в акт сопротивления расчеловечиванию. Здесь *aber* – попытка воздвигнуть стену между собой и безумием войны: *Er hatte das Gefühl, von einer gefährlichen Patrouille in feindlichem Gebiet in einen Unterstand zurückgekommen zu sein, nicht sicherer als vorher, aber doch für einen Augenblick geborgen* [9, с. 281] – *Кажется, будто вернулся в блиндаж после опасной вылазки на вражескую территорию и чувствовал себя неувереннее, чем прежде, но все-таки на миг защищеннее* [4, с. 241]. В этом примере внешняя событийность почти отсутствует, а все напряжение переносится в сферу внутреннего переживания персонажа. Гребер находится в доме у Элизабет, в краткие минуты уединения с ней, и его состояние передается через сложный, внутренне противоречивый комплекс ощущений, грамматическим центром которого выступает конструкция противительного союза *aber* и модальной частицы *doch,* создающих уникальный рисунок эмоциональной амбивалентности – одновременного присутствия страха и защищенности, тревоги и мимолетного покоя. Модальная частица *doch* смягчает резкость *aber*, но не отменяет ее, создавая сложную эмоциональную тональность, в которой скепсис и надежда, страх и благодарность сплавлены воедино.

Тема экспрессивного потенциала частицы *aber* в романе открывает путь к пониманию того, как «маленькое слово» способно нести колоссальную эмоциональную и философскую нагрузку. В немецкой лингвистике частица *aber* рассматривается как одна из ключевых модальных (оттеночных) частиц (Abtönungspartikeln / Modalpartikeln), чья функция лежит исключительно в прагматической плоскости. В отличие от союза *aber* – «*но*», связывающего две пропозиции в отношениях контраста, модальная частица не имеет синтаксической функции и выражает субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания или к предшествующей реплике собеседника. Основной семантический инвариант, признаваемый большинством исследователей Г. Хельбиг (1988), М. Турмайр (1989), Х. Вайнрих (1993), – это указание на несоответствие ожиданию или контраст с фоновым знанием.

Этот контраст, однако, не перерастает в возражение, а реализуется как удивление, эмфатическое усиление или коррекция ожиданий адресата. В диалогах и внутренних монологах *aber* часто выходит за рамки союзной функции, становясь индикатором той самой «жизни», которая прорывается сквозь оцепенение: *Das wollen Sie doch hauptsächlich, wie? Sie können das aber auch in der Katharinenkirche tun. Der Küster dort erlaubt es* [9, с. 341]. – *Вам ведь прежде всего нужно где-то оставить вещи, так? Но можно оставить их и в церкви Святой Екатерины. Тамошний служка разрешает* [4, с. 292]. Этот фрагмент принадлежит к сфере бытового диалога, однако отчетливо видно, как модальная частица *aber* способна трансформировать нейтральное высказывание в акт вежливого переубеждения. Контекст таков: Гребер и Элизабет ищут место, где можно ненадолго оставить вещи, и собеседник, поняв их потребность, сначала констатирует ее, а затем предлагает альтернативное, более удобное решение. *Aber* здесь занимает позицию после модального глагола *können* и перед дополнением *das*, что является классической позицией для модальной частицы, а не союза.

Экспрессивный потенциал *aber* раскрывается через модус эмпатического вовлечения. Частица придает всему высказыванию интонацию живого, теплого участия, смягчая потенциальную категоричность альтернативного предложения. *Auch* (*также, и*), стоящее рядом с *aber,* дополнительно работает на это смягчение: оно не отвергает предыдущую возможность, а добавляет к ней еще одну, лучшую. Возникает эффект заботливого подсказывания, когда говорящий не навязывает свое решение, а как бы между прочим напоминает о существовании более удобного варианта.

В художественных текстах частица *aber* придает высказыванию оттенок удивления, возмущения, одобрения или усиливает эмоцию. Ее роль оказывается особенно богатой экспрессией в разговорной речи персонажей и несобственно-прямой речи повествователя. Ремарк виртуозно использует ее, заставляя работать на создание напряженного, трагически разорванного мира: *Er begann noch einmal, Steine wegzuschieben, gab es aber bald auf. Es war unmöglich* [9, с. 99]. – *Снова начал разгребать камни, но вскоре перестал. Невозможно* [4, с. 86]. Фрагмент представляет собой один из примеров того, как данная частица, интегрированная в глагольную рамку и способна передать целую гамму экзистенциальных состояний. Ситуативный контекст здесь важен: Гребер находится среди руин, он пытается раскопать завалы, возможно, в смутной надежде найти кого-то живым или просто подчиняясь инерции действия, которая не дает остановиться.

Первая часть – *Er begann noch einmal, Steine wegzuschieben* – фиксирует возобновление действия. Наречие *noch einmal* (*снова, еще раз*) указывает на повторность попытки, поскольку ситуация изначально окрашена сомнением в успехе. Однако сам глагол *beginnen* (*начинать*) еще сохраняет в себе энергию инициативы, пусть и ослабленную. И сразу же, без паузы, внутри единого предложения следует *aber* – частица, которая выступает после глагола перед обстоятельством *bald*. Такая позиция крайне значима: *aber* не столько противопоставляет две пропозиции, сколько модально окрашивает само действие, придавая ему оттенок обреченности с самого начала. Экспрессивный потенциал *aber* здесь реализуется через столкновение двух волевых импульсов – импульса к действию и импульса к отказу от него, – причем второй, маркированный частицей, мгновенно поглощает первый. Возникает образ обессиленной воли, которая еще способна на жест, на начальное движение, но уже не способна удержать его во времени. *Aber* становится лингвистическим маркером той внутренней границы, за которой усилие теряет смысл. Эта граница не проговаривается прямо, она встроена в синтаксис: читатель видит, как действие, едва начавшись, переламывается частицей и угасает.

Последующий фрагмент представляет собой короткий, динамичный диалог между Гребером и его фронтовым товарищем Иммерманом, и в нем *aber* появляется дважды, причем в двух совершенно разных функциях – сначала как начальный союз, а затем как эмоционально-экспрессивная частица внутри восклицания, – создавая вместе сложный рисунок живой разговорной речи и раскрывая характеры персонажей через саму структуру их реплик: *„Aber wozu brauchst du Zucker? Du solltest doch selber süß genug sein, jetzt." „Ich will jemand damit bestechen." „Bestechen? Aber Mensch, das haben wir doch nicht nötig! Drohen ist viel einfacher"* [9, с. 270]. – «*Но зачем тебе сахар? Ты сейчас и сам вполне сладкий.*» – «*Хочу кое-кого подкупить. Подкупить? Дружище, нам подкуп без надобности. Куда проще пригрозить*» [4, с. 231].

Занимая начальную позицию, *aber* открывает реплику Иммермана: *Aber wozu brauchst du Zucker?* Это классическая функция противительного союза. В немецкой разговорной речи начальное *aber* часто маркирует удивление, смешанное с мягким возражением, и здесь оно именно таково: Иммерман не столько противится, сколько изумляется, которое тут же облекается в шутливую, слегка фривольную форму – *Du solltest doch selber süß genug sein, jetzt* («*Ты и сам сейчас вполне сладкий*»). Обыгрывание двойного значения *süß* (сладкий в прямом смысле и милый, сладкий как возлюбленный) отсылает к любовной линии Гребера и Элизабет и задает всей сцене интонацию дружеской пикировки. *Aber* здесь служит зачином, который одновременно выражает удивление и приглашает к шутке.

Второе *aber* появляется двумя репликами позже и функционирует совершенно иначе. Гребер честно отвечает: *Ich will jemand damit bestechen* («*Хочу кое-кого подкупить*»), и Иммерман взрывается восклицанием: *Bestechen? Aber Mensch, das haben wir doch nicht nötig!* Здесь *aber* – уже не союз, а модальная частица, открывающая восклицание и соединенная с обращением *Mensch*. Конструкция *Aber Mensch!* является одной из самых характерных для разговорного немецкого языка формул выражения живейшего, часто аффективного возражения. В ней слиты сразу несколько эмоциональных оттенков: изумление, дружеское возмущение и желание переубедить собеседника. Восклицание *das haben wir doch nicht nötig!* с частицей *doch*

(*ведь, же*) дополнительно подчеркивает, что Иммерман апеллирует к обоюдному для него и Гребера опыту, к их общему статусу людей, прошедших фронт и знающих иные, более грубые и действенные способы решения проблем. Экспрессивный потенциал второго *aber* особенно силен именно в контрасте с игровой, шутливой тональностью начала диалога. Иммерман мгновенно переключается из регистра иронии в регистр почти патетического негодования, и *Aber Mensch!* – это тот языковой жест, который осуществляет данное переключение. Частица *aber* здесь является чистым выразителем аффекта: она не соединяет и не противопоставляет, а выплескивает наружу спонтанную эмоциональную реакцию.

Заключение

Проведенный анализ функционирования союза и модальной частицы *aber* в текстах романа позволяет сделать следующие выводы.

В исследуемых текстах *aber* демонстрирует высокую степень функциональной нагрузки, выходя далеко за рамки формально-синтаксических задач. На уровне союза данная лексема служит не только средством выражения противительных отношений, но и ключевым инструментом моделирования экзистенциальных коллизий. Как показал анализ, союз *aber* регулярно оформляет семантическую модель «положительная посылка – жестокое опровержение», фиксируя трагический разрыв между ожидаемым и действительным. В этом качестве он становится лингвистическим маркером шока, метафизической трещины, разламывающей онтологическое единство мира персонажей.

В модальной функции частица *aber* раскрывается как мощный прагматический оператор, способный в рамках одной синтаксической единицы передать сложнейшие эмоциональные состояния: от эмпатического вовлечения и заботливого переубеждения до спонтанного аффективного возражения и волевого усилия, обреченного на провал. Особую экспрессивную значимость приобретают случаи симультанного употребления *aber* с другими модальными частицами, в частности с *doch*, что позволяет создавать эффект эмоциональной амбивалентности, где контрастирующие чувства – страх и надежда, отчаяние и непокорство – не исключают, а взаимно усиливают друг друга.

Таким образом, писатель превращает служебное слово *aber* в сильный экспрессивный инструмент, работающий на всех уровнях текста: синтаксическом (разрывает фразу, имитируя слом реальности), семантическом (соединяет несоединимое – жизнь и смерть, надежду и отчаяние) и прагматическом (передает живейшие эмоции солдата, зажатого в тисках истории). *Aber* становится грамматическим символом хрупкости человеческого существования, короткого «*но*», после которого обрывается все. Именно это слово, кажущееся ничтожным, в мире Ремарка несет на себе тяжесть невыплаканных слез и непроизнесенных обвинений целого поколения.

Список источников

1. *Адмони В.Г.* Грамматика и текст // Вопросы языкознания. 985. № 1. С. 63–65.
2. *Кострова О.Л.* Средства выражения условных отношений в современном немецком языке // Дис. канд. филол. наук. Ярославль, 1971. 23 с.
3. *Москальская О.И.* Семантика текста // Вопросы языкознания. 1980. № 6. С. 32–42.
4. *Ремарк Э.М.* Время жить и время умирать / Пер. с нем. Н. Федоровой. М.: АСТ, 2017. 384 с.
5. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
6. *Helbig, Gerhard*. Lexikon deutscher Partikeln / Gerhard Helbig. Leipzig: Enzykl., 1988. 258 с.
7. *Lang E.* Schnittstellen bei der Konnektoren-Beschreibung // Brücken schlagen. Grundfragen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn et al (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 45–92.
8. *König Ekkehard & Eisenberg, Peter*. 1984. Zur Pragmatik von Konzessivität. In Stickel Gerhard (ed.), Pragmatik in der Grammatik, 313–332. Düsseldorf: Schwann.
9. *Remarque E.M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1954. 450 s.

10. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 s.
11. *Weinrich H.* Textgrammatik deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich, 1993. 1111 s.

References

1. *Admoni V.G.* Grammar and Text // Voprosy yazykoznaniya. 1985. No. 1. P. 63–65.
2. *Kostrova O.L.* Means of Expressing Conditional Relations in Modern German // PhD of Philology Diss. Yaroslavl, 1971. 23 p.
3. *Moskal'skaya O.I.* Semantics of the Text // Voprosy yazykoznaniya. 1980. No. 6. P. 32–42.
4. *Remarque E.M.* A Time to Live and a Time to Die: Translation from German by N. Fedorova. Moscow: AST, 2017. 384 p.
5. *Rosenthal D.E., Telenkova M.A.* Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms: A Teacher's Handbook. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Prosveshchenie, 1976. 543 p.
6. *Helbig, Gerhard*. Lexikon deutscher Partikeln / Gerhard Helbig. Leipzig: Enzykl., 1988. 258 c.
7. *Lang E.* Schnittstellen bei der Konnektoren-Beschreibung // Brücken schlagen. Grundfragen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn et al (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 45–92.
8. *König Ekkehard & Eisenberg, Peter*. 1984. Zur Pragmatik von Konzessivität. In Stickel Gerhard (ed.), Pragmatik in der Grammatik, 313–332. Düsseldorf: Schwann.
9. *Remarque E.M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1954. 450 s.
10. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 s.
11. *Weinrich H.* Textgrammatik deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich, 1993. 1111 s.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 15.07.2026; принята к публикации 15.07.2026.
The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 15.07.2026; accepted for publication 15.07.2026.